

ИНТЕРВЬЮ

ВИКТОР ИВАНТЕР: «У РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЕСТЬ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РОСТА»

Как «чувствует» себя российская экономика в условиях санкций? Есть ли у нее потенциал для устойчивого роста? Какие проблемы стоят в центре исследований ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН?

На эти и другие вопросы в беседе с главным редактором «Вестника Финансового университета» Д.Е. СОРОКИНЫМ отвечает директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академик В.В. ИВАНТЕР.

Виктор Викторович — ведущий российский экономист, специалист в области народнохозяйственного прогнозирования, автор многих монографий и статей. Он ведет активную педагогическую деятельность, Ивантер — профессор кафедры макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ, кафедры анализа и прогнозирования национальной экономики МФТИ. Виктор Викторович — академик Международной академии управления, член президиума Вольного экономического общества, главный редактор авторитетного журнала «МИР: Модернизация. Инновации. Развитие».

— Виктор Викторович, два года назад научная общественность отмечала 80-летие со дня рождения советского академика Александра Ивановича Анчишкина, во многом благодаря которому в 1986 г. создан Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (тогда он назывался Институтом экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР).

Александра Ивановича по праву считают одним из лучших советских экономистов. Благодаря незаурядному таланту и высочайшей самоотдаче он вывел на новый уровень целое научное направление — макроэкономический анализ и прогноз народнохозяйственной динамики, возглавил школу советского прогнозирования.

Интересно, что еще 30 лет назад Александр Иванович занимался поиском путей перехода советской экономики на интенсивные пути развития. Сейчас мы пытаемся перейти к инновационному развитию и модернизации сырьевой экономики

страны. Фактически перед вашим институтом стоят те же проблемы, только они описаны в современных терминах. Какие Вы могли бы назвать достижения института прошлых лет, актуальные и в наши дни?

— Наш институт создан усилиями трех выдающихся советских ученых-экономистов. Это академики Александр Иванович Анчишкин, Юрий Васильевич Яременко и Станислав Сергеевич Шаталин. Тогда институт занимался социально-экономическим

и научно-техническим прогнозированием. Это стало уникальным явлением для своего времени, когда при плановой экономике, которой занимался Госплан СССР, появился институт прогнозирования.

Важный вклад Александра Ивановича Анчишкина состоял в том, что он в условиях административно-командной системы сумел доказать советскому правительству необходимость комплексного народнохозяйственного прогнозирования, которое не занималось угадыванием перспектив будущего, а предлагало набор конкретных мер и действий, способствующих достижению планового результата.

В результате был создан такой институт, и он стал головным в работе над комплексной программой научно-технического и социально-экономического развития, в которой участвовали многие научные организации. В то время эта программа имела ограниченное распространение, сначала под грифом «совершенно секретно» и «секретно», затем «для служебного пользования», что давало возможность ученым и специалистам откровенно высказывать свои мысли и предлагать новые идеи.

Конечно, мы не затрагивали проблемы политического руководства страны, но оценка экономической ситуации была абсолютно точная — настолько, насколько мы это тогда понимали. Предлагали мы и набор мер, которые считали необходимым предпринять. Конечно, нельзя сказать, что власти нас не замечали. Наши работы читали на самом верху, но, видимо, не очень внимательно, и правительство делало то, что считало нужным, в первую очередь по идеологическим соображениям.

Если бы предлагавшиеся нами меры тогда были приняты, то переход страны на новые экономические рельсы был бы более спокойным, с меньшими потерями. По моему мнению, мы заплатили избыточную цену за этот состоявшийся переход, но это уже вопрос экономической истории.

Что же удалось нашему институту? Прежде всего мы сумели сохранить сам институт в качестве организатора комплексных исследований. Что касается коллективных

исследований, я не очень понимаю, что это такое. Мы занимаемся именно комплексными исследованиями. Наш институт объединяет людей, каждый из которых занимается своим делом: макроэкономикой, макрофинансами, отдельными отраслями производства, рынком труда, социальными вопросами, технологиями и т.д. Но главное, как мне представляется, состоит в том, что мы умеем все это собирать в единый исследовательский комплекс. Проще говоря, мы не потеряли это изначально заложенное направление нашей работы, в которой сейчас используем наиболее современные инструментальные методы.

К сожалению, мы лишились в значительной степени источника притока молодых научных кадров, которым долгое время оставался экономический факультет МГУ, где у нас были две специальные кафедры — планирования и экономической кибернетики (ныне математических методов анализа экономики). Сейчас мы черпаем новые кадры в основном на нашей кафедре в Московском физико-техническом институте.

Конечно, с одной стороны, мы понесли некоторые кадровые потери в силу своей слабой конкурентоспособности по оплате труда в сравнении с коммерческими структурами, с другой — к нам приходят те, кто действительно хочет заниматься экономическими исследованиями. Возглавлявший наш институт с 1987 по 1996 г. академик Юрий Васильевич Яременко в шутку называл их уродами, поскольку тогда они шли в науку, а не за деньгами, как обычные нормальные люди. Сейчас мы стараемся обеспечить сотрудникам вполне приемлемые материальные условия и, главное, гарантируем независимость их научных позиций. Крайне важно, что мы сохранили принципиальную независимость своих оценок в исследованиях, никогда их не подгоняем под заранее объявленный результат.

Мы работаем с разными органами законодательной и исполнительной власти на всех уровнях — от президентских структур до отраслевых, а также с крупными корпорациями, которые заинтересованы в

профессиональной независимой оценке происходящего в нашей экономике.

Так что наш институт выжил и развивается, у нас хороший приток молодых энергичных ученых, что дает нам возможность уверенно смотреть в будущее. Помним мы и о своих истоках и традициях, в этом году будем отмечать 80-летие со дня рождения Юрия Васильевича Яременко, проведем не торжественный вечер воспоминаний, а содержательную конференцию в русле того научного направления, которое он в свое время возглавлял.

— Перечитывая перед нашей встречей ответы А. И. Анчишкина на вопросы центрального партийного журнала, обратил внимание на следующее: Александр Иванович говорил о необходимости четко выраженной общественной, политической потребности в научной истине. Возникновению такой потребности в то время препятствовали административно-бюрократические методы управления экономикой, а также идеологические установки или догмы. Это толкало экономическую науку на путь конъюнктурщины, описательства и апологетики, что противоречило реальным запросам развития страны.

Насколько сейчас востребованы научная истина, знание и учет объективных экономических законов, поскольку правящая бюрократия всегда склонна к экспромтам и волевым решениям?

— Очевидно, сейчас научная истина востребована в большей степени, нежели раньше, поскольку идеологический гнет стал существенно слабее. Если же говорить о том, насколько власть заинтересована в независимых исследованиях, скажу так: нас слушают на всех уровнях, в том числе несколько раз мы докладывали Президенту страны о том, что происходит в экономике. А вот сказать, что нас слушаются, было бы неверно.

Думаю, все аналитики в мире жалуются на то, что их слушают, но не слушаются.

— Виктор Викторович, тема кризиса сегодня — самая обсуждаемая и актуальная проблема в научном и экспертном

сообществе. По мнению многих экономистов, особенностью нынешнего кризиса (если сравнивать его с кризисом 2008-2009 гг.) стало то, что ему предшествует не бурный рост, а стагнация. Экономические проблемы начались еще в 2012 г. и теперь только усиливаются. Предыдущий кризис носил характер шока, его влияние ощутили на себе все: и власти, и бизнес, и рядовые граждане. Сразу же начался поиск путей спасения, все задвигались. Правда, это длилось недолго: ситуация стала восстанавливаться, и все успокоились.

Сегодняшний кризис гораздо более масштабный. Однако антикризисная программа Правительства в основном состоит из набора мер, использованных в 2008-2009 гг. К тому же создается впечатление, что Правительство не в силах серьезно противостоять кризису и надеется просто его переждать.

Ваша оценка сегодняшнего кризиса?

— Сегодня ситуация складывается таким образом, что прогнозисты-«катастрофисты» оказались посрамлены, поскольку ничего страшного не произошло, ничего не развалилось, не разрушилось, нет массовой безработицы и обнищания населения, чем нас сильно пугали.

Однако экономический кризис действительно существует. Сразу скажу, это не циклический кризис. Если экономист говорит слово «цикл», это однозначно означает: он просто не знает, что ему сказать по существу. Я ни в коей мере не отрицаю идею кондратьевских больших циклов, но то, что у нас происходит, это вовсе не цикл, а явление вполне рукотворное.

И это не столько кризис, сколько проявление последствий неадекватной экономической политики. Кризис — это все-таки нечто внешнее, неожиданное, а у нас этого нет. В действительности, резкое снижение темпов экономического роста началось не в 2014 г., не после геополитических проблем, связанных с возвращением Крыма и событиями на юго-востоке Украины, не после введения санкций, а еще в 2013 г.

Прежде всего это произошло в результате того, что существенно сократилось государственное инвестирование, хотя частное и иностранное выросло тогда на 7-10%. Завершились крупные инфраструктурные проекты: Олимпиада в Сочи, Универсиада в Казани, саммит АТЭС во Владивостоке, трубопроводная система «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), а новых проектов не начали. Это привело к тому, что упал валовой внутренний продукт (ВВП), который, по сути, представляет собой сумму доходов. Причем доходы бюджета упали в большей степени, нежели экономика в целом.

Раз доходы упали, есть два варианта действий. Вариант тупиковый: сокращение расходов, причем неэффективные траты надо убирать в любой ситуации. Ясно, что социальные расходы, расходы на правоохранительную систему и оборону сохраняются, но уменьшается объем инвестиций. Но если не вкладывать средства, не будет и доходов. Это как в сказке про белого бычка или в бытовом споре между мужем и женой: он ей говорит, что надо меньше тратить, а она ему — что надо больше зарабатывать.

У нас началась экономия бюджетных расходов, и не надо оспаривать ее необходимость, но, главное, нет мер по увеличению доходов. Это ошибочная позиция.

Другое обстоятельство, которое реально повлияло на ситуацию в нашей экономике, — снижение мировых цен на энергоносители. Но даже в пик падения цена на нефть не снижалась менее 40 долл. за баррель. А у нас себестоимость нефти, включая транспортировку, всего 15 долл. за баррель. Разве это плохая цена? А что мы делали с полученной от продажи нефти выручкой? Мы ее не тратили, а копили на тот случай, если упадут цены. Они упали. Казалось бы, если мы накопили резервы, все должно было пройти гладко, но не получилось.

В чем, на мой взгляд, принципиальная проблема? Резервы у нас есть, а вот плана использования этих резервов не было. Например, у военных такие планы есть, не важно, хорошие они или не очень. У Правительства планов использования накопленных

резервов не было, антикризисные меры, как я понимаю, разрабатывались в последний момент и вновь не очень эффективно.

Я бы сказал так: все, что происходило у нас в прошлом году, стало результатом неудачной денежно-кредитной политики (ДКП) Центрального банка России. Мы об этом говорили, свои оценки не скрывали. Нельзя сказать, что эта ДКП была теоретически и принципиально неверной. Таргетирование инфляции, плавающий курс — это вполне реальная политика, только она не для нашей экономики, поскольку у нас почти нет монетарной составляющей в инфляции.

И потом нельзя путать пловца с утопленником. Конечно, при снижении цен на энергоносители уменьшилась выручка, но одновременно сократился и импорт, т.е. торговый баланс отреагировал довольно скромно. Снижение курса рубля было вполне обоснованным, но это должно было происходить спокойно и плавно, а не так обвально, как это было учинено в декабре прошлого года.

Проблема состоит не в слишком резком падении рубля, а в том, что это привело к потере доверия к национальной валюте, причем у всех: банков, бизнеса и населения. Конечно, сейчас идет слабый процесс восстановления доверия, но надо учитывать, что потерять его легко, а вернуть очень трудно.

Вот, собственно, что у нас произошло. Можно ли считать это кризисом? Нет, я все-таки думаю, что это внутренние проблемы, связанные с инвестициями.

Теперь об экономических санкциях. С политической точки зрения, это просто безобразие, нарушение существующих норм и правил мировой торговли. Но на нас, по моим оценкам, они могут оказать очень позитивное влияние.

Первое. Санкции позволили нам ввести так называемые антисанкции. Почему мы их ввели? В некоторых аспектах мы не очень удачно вступили в ВТО, хотя получили лучшие условия, чем многие другие страны, например Киргизия, Украина и т.д. Но мы не добились всего, чего хотели, — главное, не защитили полностью наш агропромышленный комплекс от неправомерной

конкуренции, прежде всего со стороны Евросоюза, где сельское хозяйство субсидируется в несравнимо больших масштабах, нежели у нас.

В этом смысле антисанкции, если принять правильные меры, позволят нам восстановить нормальный баланс. Речь идет о совершенно конкретных вещах, не о том, чтобы начать выращивать бананы, но об увеличении собственного производства молока, масла, сыра, мяса и т.д.

Мы неплохо выглядим по производству зерна, и впервые с 1929 г. восстановили свое зерновое хозяйство, хотя фуража нам все еще не хватает. Нет у нас проблем с птицей и свининой, но существенно нарастить производство говядины гораздо сложнее. Для обеспечения продовольственной безопасности нужны время и усилия в правильном направлении. Мы не стремимся к автаркии, но сможем сами нормально насытить собственный рынок продовольствия.

Второе. Другая проблема связана с технологическими санкциями. Нужно сказать честно, что никакой высококачественной технологии нам не продавали. Например, не так давно мы безуспешно пытались купить компанию «Опель», не самую передовую в технологическом отношении. Равноценный обмен был в тех отраслях, где у нас есть собственные высокие технологии: ядерной, ракетно-космической, военной промышленности.

Мой друг профессор Николай Иванович Комков, известный специалист в научно-технической сфере, говорит, что мировой рынок технологий и инноваций похож на закрытый клуб. Членский билет в этот клуб — только собственные высокие технологии. Одних денег для вступления в этот клуб, чтобы приобретать новые технологии, недостаточно.

И то, что нам еще сильнее ограничили доступ к современным технологиям, уверен, принесет только пользу, заставит нас заниматься собственными инновациями.

Нужны не лозунги, а реальное внимание к науке, прежде всего к отраслевой науке, инжинирингу, поддержка опытно-конструкторских организаций и т.д. Тогда мы получим

шанс стать конкурентоспособными. Надо понимать, что если у нас будут свои современные технологии, мы сможем покупать чужие качественные разработки. Еще раз подчеркну, что это не движение к автаркии, чтобы все производить самим.

Нужно понимать следующее: когда говорят о диверсификации нашей экономики, часто ссылаются на то, что у нас дурной однобокий экспорт. Я в ответ скажу, что экспорт у нас замечательный, и надо продавать то, что покупают. Энергию покупают всегда. Цены на нефть упали, но ничего страшного в этом нет, поскольку объемы продаж и добычи у нас не снизились. Высокотехнологичный экспорт у нас есть — это вооружение.

Проблема не в том, чтобы завоевать новые рынки, а в том, что свой внутренний рынок мы сами ни за что отдали. И то, что сейчас называется политикой импортозамещения, — это просто попытка восстановить контроль над собственным довольно емким рынком. У нас мощный топливно-энергетический комплекс (ТЭК), который постоянно требует большого количества машин и оборудования. Если мы добьемся хороших результатов в импортозамещении, сделаем это в том числе благодаря санкциям.

Третье. Наиболее драматичные последствия имеют для нас финансовые санкции. Наши крупные корпорации раньше получали на Западе дешевые кредиты, гораздо дешевле, чем могли получать здесь. После введения санкций они потеряли доступ к длинным деньгам и теперь могут получать только короткие трехмесячные кредиты.

Наш институт всегда выступал против такой системы, объясняя, что мы отправляли на Запад деньги, а нам давали кредиты фактически под эти средства. При этом мы отправляем туда деньги под 2-3% годовых, а получаем под 5-6%. Маржа выходила вполне приличная. Такая система «дешевого» финансирования обходилась нашей стране в среднем в 20 млрд долл. в год. Эту сумму потерял Запад после ввода против нас финансовых санкций.

Что это для нас означает? Недавно министр экономического развития Алексей

Улюкаев признал, что санкции дали нам возможность перейти на систему внутреннего финансирования. К сожалению, мы перешли еще не полностью, чему препятствует запрительно высокая ключевая ставка процента Центрального банка России, который все за это критикуют.

Совершенно ясно, что мы не умеем «рисовать» доллары, но рубли «нарисовать» можем. Что касается долларов, то у нас есть 360 млрд долл. в резерве. По нашей оценке, критический импорт, без которого мы не можем обойтись, составляет от 120 до 150 млрд долл. в год. Это означает, что мы можем три года жить, не получая ни копейки выручки.

Поэтому я еще раз хочу сказать, что резервы, безусловно, нужны, но должны быть планы их использования. Заодно надо посмотреть на масштабы резервирования, поскольку наша банковская система сейчас вполне надежно и качественно выполняет прежде всего функцию расчета, но кредитованием бизнеса и промышленности фактически не занимается.

Банки готовы кредитовать, но не имеют необходимого фондирования. Это заставляет их обращаться за средствами к населению, которому многие банки предлагают сильно завышенные процентные ставки по вкладам, что приводит к негативным последствиям. Так делать нельзя, и следовало бы регулятору ограничить верхний предел пассивных ставок, как это было сделано американцами после Великой депрессии. Ничего страшного в этом нет, надо просто навести порядок и не винить людей за то, что они хотят разместить свои средства в банках под более высокие проценты. Повторяю, эта гонка за процентами вызвана тем, что банки не имеют источников фондирования. Недавно Министерство экономического развития, наконец, согласилось с нами и признало, что у нас существует разрыв между высоким уровнем сбережений и низким уровнем накоплений.

Объем накоплений, необходимых для инвестиций, у нас составляет всего 20% от ВВП (для сравнения: в Китае он в два раза выше). Инвестиции можно профинансировать и за счет сбережений, которые в нашей экономике

достигли почти 30% от ВВП. Однако мы пока не умеем превращать сбережения в инвестиции, поскольку у нас нет системы трансляции денег в реальный сектор экономики, прежде всего в обрабатывающую промышленность. Это, конечно, необходимо сделать, не упрямясь и не лениться. Нужно научиться использовать собственные резервы.

— В книге «Российская трансформация: 20 лет спустя» Вы писали, что советская экономика была неэффективна, ее заменили маленькой рыночной экономикой, но тоже неэффективной. Сегодня большинство экономистов, экспертов и представителей бизнес-сообщества считают, что нужна новая экономическая политика.

Научная полемика о необходимости разработки нового подхода к решению социально-экономических проблем и формированию новой геостратегической и макроэкономической политики ведется среди экономистов — исследователей и практиков не один год. Экономические санкции Запада и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели — реалии современного положения дел настоящей России. Без научно-практического решения вопроса о новых источниках развития — индустриальных, прочных, фундаментальных и долгосрочных немыслимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны.

В своих интервью в печати и по телевидению Вы постоянно подчеркиваете, что у России есть колоссальный потенциал экономического роста. По оценкам вашего института, он составляет 6–8% в год. Какой, с Вашей точки зрения, должна быть новая экономическая политика, чтобы его реализовать?

— Если говорить в целом о нынешнем состоянии экономики, мы считаем, что наша оценка потенциала экономического развития России на уровне 6–8% сохраняется. Это не значит, что у нас будут такие показатели роста, но это темп, который возможен на протяжении ближайших 5–10 лет.

Причем 6–8% — это в среднем, добывающие отрасли не могут развиваться такими темпами, при этом темпы роста обрабатывающих отраслей могут быть двузначными благодаря эффекту низкой базы. За пределами 2025 г. произойдет некоторое снижение темпов роста, но физический прирост будет довольно высоким.

Мы достаточно оптимистично смотрим в будущее, если будет проводиться рациональная и разумная экономическая политика. Она должна быть прагматичной и неидеологизированной. Я скажу так: надо перестать бороться за рыночную экономику, надо в ней жить. И жить в ней, конечно, надо эффективно.

Надо делать вещи, которые уже всем понятны. Для нас неприемлем монополизм, препятствующий развитию конкуренции, но для этого есть антимонопольный орган, который должен заниматься своим делом. У нас есть система регулирования через Министерство экономического развития. У нас есть Министерство финансов, которое должно быть Министерством финансов России, а не Министерством федерального бюджета, что совершенно разные вещи.

Сегодня очень нужно восстановить доверие в экономике, что требует абсолютной прозрачности и предсказуемости действий власти.

Надо еще отметить, что у нас обычно ругают систему ручного управления. Я тогда хочу понять, а чем должна заниматься власть, если не ручным управлением?.. Именно ручное управление смягчило результаты того, что происходило в экономике, причем не только на президентском и правительственном уровнях.

— Виктор Викторович, в последние годы власти США и Европы проводят политику «количественного смягчения», накачивая экономику ликвидностью. Западная экономика возобновила рост, а инфляция при этом не увеличилась, что противоречит догмам традиционной монетарной политики. Денег в экономике западных стран стало так много, что они обесценились уже до отрицательной

ставки банковского процента. У нас же финансовые власти по-прежнему руководствуются устаревшими учебниками и искусственно уменьшают объем денежной массы, чем приводят нашу экономику в состояние стагнации и кризиса.

Может ли в этой ситуации помочь наука?

— Наука говорит следующее. Есть канонические постулаты, связанные с тем, что если у вас инфляция носит монетарный характер, то вы должны ограничить денежную массу. А если она не носит монетарный характер, то вы должны увеличить предложение.

Отчего растут цены? Упрощенно говоря, либо от избытка денег, либо от недостатка товаров. Это понятно с давних времен. Другое дело, что легко сказать, но сложно сделать, чтобы сбалансировать ситуацию. Это очень тонкая дифференцированная работа, а у нас она еще сложнее. В развитых странах, как правило, структура экономики более или менее устоялась, тогда как у нас стоит задача ее диверсификации. В этих условиях все системы работают сложнее. Все основные экономические законы давно открыты, только применять их бывает трудно.

— Академик А. И. Анчишкин писал, что в советской экономической науке возник ряд дискуссий, вызванных не логикой и противоречиями научного познания, а разделением на «наших» и «не наших». И сейчас мы видим, как ломаются копья по поводу денежно-кредитной политики, инвестирования, межбюджетных отношений и т.д. Одни, как руководство Центрального банка, ставят во главу угла борьбу с инфляцией, поднимая ключевую ставку процента, что препятствует кредитованию предприятий. Другие говорят, что инфляция у нас в основном немонетарная, и бороться с ней надо иными методами, при этом обеспечивая экономический рост инвестициями, импортозамещением и увеличением монетизации экономики. У нас каждое ведомство в экономическом блоке Правительства проводит свою политику по решению

собственных узковедомственных задач, Правительство утверждает длинный список антикризисных мер, а общей политики до сих пор так и нет.

Кто должен выступить арбитром в этих непримиримых дискуссиях? Существует ли вероятность того, что в конце концов будет сформулирована единая финансово-экономическая политика?

— Арбитром всегда выступает власть, поскольку она несет ответственность за то, что делает. Любой аналитик, что бы он ни говорил, не несет за свои слова никакой ответственности, потому что в науке отрицательный результат — тоже результат.

Я не вижу ничего плохого в том, что существуют разные точки зрения и идет свободная дискуссия, которая всегда помогает приблизиться к истине.

Другое дело, еще раз хочу это подчеркнуть, что власть должна выбирать направления деятельности не из идеологических, а из прагматических соображений. Тогда не возникнет таких вариантов, как, например, в Основных направлениях деятельности Правительства России на 2016-2017 годы, где написано, что экономический рост будет происходить на основе частных инвестиций. Что из этого следует? Бизнес сразу начинает думать, что если Правительство планирует рост на основе частных инвестиций, значит, государственных инвестиций не будет, и все риски падут на частных инвесторов.

Иными словами, Правительство не должно говорить бизнесу, что ему делать, а объяснить ему, чем оно само будет заниматься. А бизнес свое дело сделает: если государство построит дорогу, то он поставит рядом производство, а если не будет дороги, не будет рядом и производства.

Разговоры о том, какие компании или инвестиции эффективнее — частные или государственные, напоминают мне советские времена. Тогда говорили, что государственные инвестиции эффективнее частных, потому что они государственные. Теперь говорят, что частные инвестиции лучше, потому что они частные. Если бы это было так, не было

бы столько банкротств в результате неэффективного использования денег.

Я думаю, было бы хорошо, чтобы люди почитали учебное пособие, которое составил Сергей Юльевич Витте, где подробно описано, в каких случаях оказываются эффективными государственные инвестиции, в каких — частные. Проще говоря, подходить к этому вопросу надо прагматически, а не идеологически. Сегодня любая попытка строить экономику на идеологии — правой или левой приводит к дурному результату.

— А как Вы относитесь к идее внедрения индикативного планирования, которое существует в целом ряде ведущих западных стран и избавлено от недостатков плановой системы советского образца?

— А у нас оно есть, хотя мои слова могут показаться кому-то странными. Например, Министерство экономического развития РФ ежегодно готовит Прогноз социально-экономического развития страны, который фактически представляет собой индикативный план. В том числе он содержит набор будущих действий Правительства и экономических инструментов, а также целевые показатели (индикаторы), которые планируется в результате получить. Другой вопрос, что индикативное планирование надо совершенствовать. А прогноз делает наш институт.

— Летом прошлого года принят многострадальный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Какую роль вашего института в реализации этого закона Вы видите?

— Помимо планов, этот закон предусматривает регулярную подготовку прогнозов: стратегического, научно-технологического и социально-экономического развития. Наш институт будет принимать самое активное участие в работе над этими документами. В первую очередь это касается научно-технологического прогноза, который может создать лишь такой уникальный междисциплинарный институт, как Российская академия наук.